

История музейных коллекций Крыма в период Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) остается пока малоизученной темой, хотя отдельные ее аспекты уже частично нашли отражение в публикациях В.Н.Боровковой, Е.В.Кончина, Г.И.Федотовой и Н.Ф.Грищенко, С.Б.Филимонова, С.Г.Щеколдина [1]. Она имеет не только познавательное, но и практическое значение, особенно в свете касающейся международных отношений проблемы реституции культурных ценностей, которая активно стала обсуждаться искусствоведами на страницах периодической печати еще с начала 90-х годов прошлого века [2]. Дело в том, что Вторая мировая война привела к гибели огромного количества художественных и исторических памятников. Еще больше культурных сокровищ европейских стран было вывезено в Германию или просто разграблено. Советский Союз оказался в числе наиболее пострадавших в этом отношении: погибли или были расхищены ряд музеев, вывезены или уничтожены архивы, библиотеки, частные коллекции. По окончании войны все это было учтено репарационными комиссиями, которые занимались на территории советской оккупационной зоны учетом и вывозом материальных ценностей побежденной Германии. В результате многие памятники мировой истории и культуры оказались в СССР и осели в секретных запасниках Москвы, Ленинграда (Петербурга), Киева и других городов. Ученые предлагали снять с музейных хранилищ гриф секретности и с помощью специальной комиссии решить проблему «своих и чужих богатств» в соответствии с международным правом, нашедшим отражение в протоколе Гаагской конференции 1954 г. Часть произведений вернуть, часть обменять на похищенное, часть получить в виде компенсации за уничтоженное. Не исключено, что некоторые крымские памятники, числящиеся утраченными в военные годы, могут быть выявлены в западных музеях или частных собраниях.

В данной статье затронуты вопросы, касающиеся эвакуации исторических и художественных ценностей из крымских музеев, деятельности музеев на оккупированной территории, ущерба, нанесенного историко-культурному наследию Крыма в военное лихолетье. В качестве источников использованы хранящиеся в государственном архиве в Автономной Республике Крым документы Крымской республиканской чрезвычайной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, послевоенные годовые отчеты музеев, документы личного фонда А.И. Полканова, а также материалы периодических изданий, выходивших в оккупационном Крыму, таких как «Голос Крыма», «Евпаторийские известия», «Бюллетень Ялтинского городского управления».

На начало 1941 г. в Крымской АССР функционировало 25 музеев:

Центральный, Алуштинский, Евпаторий–ский, Старокрымский, Феодосийский. Ялтинские краеведческие музеи, Керченский и Херсонесский историко-археологические музеи, музей пещерных городов, музей Крымской войны 1854—1855 гг., Панорама обороны Севастополя, музей Революции в Севастополе, Алупкинский и Бахчисарайский дворцы-музеи, дом-музей А.П. Чехова в Ялте, дом-музей А.С. Пушкина в Гурзуфе, Севастопольская, Симферопольская, Феодосийская картинные галереи, Центральный антирелигиозный музей в Симферополе и его филиалы в Керчи и Ялте, музей фауны и флоры Черного моря, сельскохозяйственные музеи в Симферополе и Ялте [3].

22 июня 1941 г. огненный смерч войны обрушился на Советский Союз. Бесчинства завоевателей на временно оккупированной территории навсегда остались в памяти человечества как беспрецедентные проявления варварства и вандализма. Многочисленные распоряжения германского командования недвусмысленно давали понять, что фашисты не остановятся ни перед чем. Командующий 6-й германской армией фельдмаршал Рейхенау в приказе от 10 октября 1941 г. о поведении войск на восточном фронте подчеркивал: «Никакие исторические или художественные ценности на Востоке не имеют значения» [4]. Эта установка целенаправленно проводилась в жизнь.

В середине июля, когда вследствие быстрого продвижения линии фронта над Крымом нависла угроза немецкого вторжения, было принято решение об эвакуации в глубь страны промышленных предприятий и культурных ценностей. Эта огромнейшая работа требовала большого напряжения сил. В первую очередь в восточные районы отправлялись оборудование заводов и фабрик, имущество колхозов и совхозов. Затем настал черед культурно-просветительных учреждений, а моторизованные части фашистских войск уже прорвались от Геническа на Арабат–скую стрелку, авиация противника бомбила шосейные дороги, топила отходившие от причалов суда. Тем в большей степени заслуживает уважения самоотверженность музейных работников, которые порой, рискуя собственными жизнями, делали все возможное, чтобы спасти бесценные сокровища прошлого.

Эвакуацией крымских музеев из Керчи руководил уполномоченный Комитета по делам искусств СССР В.С. Малков [5]. В сентябре 1941 г. С.Ф. Стржелецкий вывез в Свердловск упакованные в 60 ящиков наиболее ценные коллекции Херсонесского историко-археологического музея [6]. Часть экспонатов была замурована в тайниках Херсонеса. В.П. Бабенчиков упаковал и закопал в недоступном месте близ Севастополя все собрания военно-исторического музея [7]. Севастопольская картинная галерея в условиях войны в течение трех месяцев продолжала обслуживать посетителей, главным образом защитников базы Черноморского флота. В сентябре 1941 г. ее директор М.П. Крошицкий стал готовить картины к эвакуации. Главным препятствием явилось отсутствие упаковочного материала. Укрывая картины от авиабомб, где только можно,

М.П. Крошицкий собирал доски из разрушенных зданий, горящих домов, сколачивал с помощью трех технических работников и двух нанятых рабочих ящики и упаковывал произведения искусства [8]. Усилившаяся эвакуация через Севастополь, перевозка раненых, передвижение воинских частей вынуждали неоднократно перемещать груз галереи на различные пристани, что в условиях разрушенного города представляло серьезную проблему. Наконец ночью 19 декабря 1941 г. под сильным огнем галерею удалось погрузить на военизированный транспорт «Ташкент», который, преследуемый немецкой авиацией, вышел в море. Спустя два дня, получив повреждения, под большим креном «Ташкент» достиг порта Батуми. Затем путь галереи пролег по железной дороге до Томска. М.П. Крошицкий сохранил почти все основные коллекции, кроме громоздкой художественной мебели, 21 скульптуры из мрамора и бронзы и 40 полотен невысокого художественного достоинства [9]. 1 октября 1941 г. в сопровождении Н.С. Барсамова и С.А. Барсамовой из Феодосии в Новороссийск на теплоходе «Калинин» были отправлены все картины И.К. Айвазовского, архив галереи и мемориальные юбилейные подношения великому маринисту, украшенные золотом и серебром [10]. Вместе с ними эвакуировались 52 картины Симферопольской картинной галереи, находившиеся в Феодосии на временной выставке. Далее последовали города Краснодар и Ереван, где 2 мая 1942 г. галерея открылась вновь. В Сочи были эвакуированы частично экспонаты Феодосийского краеведческого музея [11]. Они сохранились благодаря директору Сочинского краеведческого музея А.П. Краснову, обнаружившему их на железнодорожном вокзале. На средства, вырученные от продажи личных вещей, он перевез их в музей, а затем спрятал в горах [12]. В Уральске (Казахстан) получила временное пристанище часть коллекций Ялтинского краеведческого музея. Последней покидала Крым Панорама обороны Севастополя. 25 июня 1942 г. во время очередной жестокой бомбардировки снаряды попали в здание Панорамы, вызвав пожар. Стало гореть и само живописное полотно. Бойцы, оборонявшие город, бросились спасать памятник, являвшийся национальной гордостью. Разрезав гигантскую картину на 86 кусков, они вынесли ее из горящего здания и доставили в Камышовую бухту [13]. На следующий день вместе с ранеными защитниками Севастополя холст погрузили на миноносец «Ташкент» и отправили на «большую землю». Все оставшиеся военные годы полотно хранилось в Новосибирске вместе с эвакуированными картинами Третьяковской галереи.

Однако не все удалось вывезти, не все удалось спасти. Остались в Ялтинском порту, не дождавшись отправки, коллекции Алупкин-ского дворца [14]. 27 октября 1941 г. в результате массового налета немецкой авиации в Керченском порту погибло основное собрание Симферопольской картинной галереи [15]. Весьма противоречивы в источниках сведения о судьбе Пушкинского музея в Гурзуфе. Инспектор музейного отдела наркомата просвещения Крымской АССР Наровчатова в справке об эвакуированных музеях Крыма, составленной 19 августа 1943 г., отметила следующее: «...Фонды Пушкинского музея были упакованы в 7 ящиков весом в 475 кг и сданы на пароход 31 октября 1941 г. Груз сдала директор музея т. Горбунова. Экспонаты были отправлены в Сталинград через Новороссийск. Пароход, на который были погружены экспонаты, потоплен неприятелем...» [16]. В то же время директор Алупкинского музея

С.Г. Щеколдин в «Отчете о разграблении ценностей Алупкинського историко-бытового и художественного дворца-музея немецко-фашистскими оккупантами...» от 2 мая 1944 г. указал, что самолично перевез ящики Гурзуфского домика-музея А.С. Пушкина из Ялтинского порта на склад Ялтинского городского управления, откуда позже немцы отправили их в Симферополь [17]. Трагическая участь постигла реликвии Керченского историко-археологического музея. В сентябре 1941 г. директор музея Ю.Ю. Марти и представитель Керченского горисполкома Ф.Т. Иваненко вывезли через Керченский пролив на Тамань 1156 наиболее ценных экспонатов, а именно египетские вещи, чернофигурную и чернолаковую керамику, терракоту, мраморные статуэтки и рельефы, изделия из стекла, кости, бронзы, серебра, золота и 157 дел музейного архива [18]. Ю.Ю. Марти в дороге заболел и вынужден был остаться в Краснодаре, а Ф.Т. Иваненко сдал груз Армавирскому горисполкому. В августе 1942 года, накануне захвата Армавира немецкими частями, заведующая секретной частью горисполкома А.М. Авдейкина доставила чемодан с золотыми и серебряными монетами, бляшками, браслетами, подвесками, кольцами, пряжками в станицу Спокойную и поместила в местном отделении госбанка [19], а оттуда они попали в Спокойненский партизанский отряд. Далее их следы теряются. Неизвестна также судьба остальных коллекций Керченского музея. Здания Армавирского горисполкома и склада горздраотдела, где они находились, были сожжены во время бомбежки. Там же, в Армавире, фашисты разграбили эвакуированные уполномоченным наркомата просвещения Крымской АССР А.А. Шинделем экспонаты Центрального краеведческого музея Крымской АССР [20]. В железнодорожном пакгаузе хранилось 14972 монеты, 1319 единиц учета археологического материала, 1193 предмета этнографии, 3837 книг из библиотеки «Таврика», в том числе краеведческой литературы на русском языке — 1119 экз., на иностранных языках — 685 экз., альбомов и атласов — 59 экз.; исторических и географических карт — 873 экз., гравюр — 946 экз., книг из бывшей библиотеки А.Л. Бертье-Делагарда — 77 экз., изданий Таврической ученой архивной комиссии и редких книг — 78 экз. [21]. Все коллекции отдела природы, которые не могли выдержать перевозки, громоздкие вещи археологического и этнографического отделов, экспонаты отдела социалистического строительства, большая часть библиотеки Центрального краеведческого музея Крымской АССР были оставлены в Симферополе с решением по возможности их сохранить.

Говоря сегодня о понесенных потерях, можно, конечно, предположить, что они были бы намного меньше в случае своевременной эвакуации культурных ценностей. Но следует учесть, что тогда шли первые месяцы войны, еще мало кто представлял всю полноту бедствия, обрушившегося на страну. Во время отступления из Крыма частей Красной Армии во исполнение директивы СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 года, требовавшей уничтожить ценное имущество, чтобы оно не досталось врагу, были подожжены дворцы «Дюльбер» в Мисхоре, Малый Ливадийский, эмира Бухарского в Ялте [22]. В последнем до войны размещался Ялтинский краеведческий музей, располагавший 10 тысячами экспонатов. Сотрудники музея, производившие раскопки пожарища, извлекли 1400 предметов, которые были сохранены в помещении Ялтинского дома учителя [23]. Музей утратил 86 персидских, туркменских, турецких и кавказских

ковров XVIII—XIX вв., 310 японских и китайских ваз, 18 изделий из слоновой кости, 320 произведений иранского искусства, в том числе резную и покрытую эмалью посуду, ткани и вышивки, включая знаменитое панно XVII в., изображавшее знатную персиянку за туалетом, погребальный инвентарь таврских могильников, 152 образца краснофигурной посуды V—IV вв. до н. э., 330 предметов из раскопок римской крепости Харакс, отдел природы, демонстрировавший флору, фауну, геологию и природные богатства Южного берега Крыма [24].

В ноябре 1941 г. германские войска оккупировали весь Крым, кроме Севастополя, оказывавшего врагу мужественное сопротивление до июля 1942 г. Захваченная территория покрылась сетью комендатур. Наряду с военной появилась и гражданская администрация в лице городских и районных управлений и управ. Уверовав в свою окончательную победу, гитлеровцы рассчитывали превратить полуостров в образцовую курортную область. Причем наряду с восстановлением деятельности различных промышленных, сельскохозяйственных, торговых, коммунальных предприятий. Определенное внимание обращалось на возобновление функционирования культурно-просветительных учреждений. В этом был свой резон. Дело в том, что фашисты захват полуострова пытались оправдать «историческим правом» на Крым, как на землю своих предков-готов. Теория о крымских готах явилась одним из многих постулатов, выработанных пропагандистами Третьего рейха и выражавших агрессивную устремленность внешней политики фашистской Германии. Поэтому не случайно в газете «Голос Крыма» от 5 марта 1942 г., издаваемой Симферопольским городским управлением с санкции германского командования, появилась статья директора Керченского музея А.А.Шевелева «Готское государство в Крыму». В ней, в частности, утверждалось: 1) Крым со II в. н. э. принадлежал предкам нынешних немцев-готам; 2) крымские готы, несмотря на различные исторические события, происходившие на полуострове, сохранили свою культуру, самостоятельность и даже имели здесь со II в. по XV в. свое особое государство — Крымскую Готию [24]. Аналогичные статьи публиковались и в германской прессе. Так, немецкий профессор Штампфус поместил в газете «Дойче цайтунг» от 21 февраля 1943 г. материал под заголовком «Рассвет и закат одного германского племени» [26]. Он предлагал искать последних кровных крымских готов среди греков, депортированных из Крыма на северное побережье Азовского моря в 1778 г. Само собою разумеется, что для пропаганды искусственно созданной готской теории ее проводникам понадобились доказательства. Их как раз и надеялись получить через вещественные памятники-экспонаты о готах, широко представленные до войны в крымских музеях, где вплоть до середины 1930-х годов существовали даже особые отделы «Крымской Готии» [27]. Отсюда происходил тот повышенный интерес, который немцы проявляли к музейным собраниям Крыма. Другая сторона этого интереса заключалась в проведении так называемой операции «Линц». Речь шла о реализации затеи А.Гитлера — создать в Линце (Австрия) самый большой музей всех времен — уникальное собрание произведений искусства из всех поработанных стран [28]. Ее осуществление поручалось ведомству рейхсфюрера СС Г. Гиммлера. 1 марта 1942 г. А. Гитлер особым указом назначил ответственным за вывоз награбленных в оккупированных землях культурных ценностей рейхсляйтера восточных

областей А. Розенберга. Оперативный штаб (айнзацштаб) А.Розенберга дислоцировался в Берлине. Его отделения размещались в Киеве, Минске, Риге, Таллине, Ростове, Симферополе [29]. Учреждения культуры Крыма: музеи, библиотеки, архивы курировало Крымское отделение айнзацштаба во главе с гауптайзатцфюрером Шмидтом. Сюда ежемесячно с ноября 1942г. представлялись отчеты о проделанной работе. Библиотеки получили четкое указание по комплектации книжного фонда. Основным хронологическим критерием отбора являлся 1917 г. Вся литература, изданная в советское время, за исключением технических, хозяйственных, естественно-научных, исторических, философских произведений, написанных ранее, но только переизданных, подлежала немедленной конфискации [30]. Деятельность Центрального и Исторического архивов была нацелена на выявление документов по истории немецких поселений в Крыму, освещавших землевладение, религиозное мировоззрение, образование, медицинское обслуживание [31].

Уже отмечалось, что далеко не все экспонаты крымских музеев оказались эвакуированными. Так, самой ощутимой добычей оккупантов стала коллекция Алушкинского дворца-музея. В заметке «Жизнь Алушки», помещенной в газете «Голос Крыма» от 18 октября 1942 г., сообщалось: «Во дворце по-прежнему музей. Те экспонаты, которые большевики вывезли на территорию Ялтинского порта и не успели погрузить на суда, возвращены музею. Музей пользуется популярностью у германских солдат, которые массами нередко посещают его...» [32]. Однако в ней умалчивалось о том, что из находившихся на складе Ялтинского порта 43 ящиков с фарфором, гравюрами, картинами, в музей вернулось только 18, еще 18 ящиков были вывезены в Симферополь, а 7 разграблены на месте немецкими и румынскими офицерами [33]. С первых дней оккупации Алушки небольшой штат служащих музея, руководимый сначала А.Г. Корневым, а затем С.Г. Щеколдиным, делал все возможное для спасения основных коллекций от разграбления [34]. Мелкие вещи прятали в фонды, а крупные произведения, руководствуясь соображением, что их труднее будет украсть, выставляли в экспозиции, возвращали из опустевших после отъезда немецких офицеров санаториев изъятую музейную мебель, зачастую поломанную и изуродованную, умышленно затягивали проводимую по указанию айнзацштаба инвентаризацию экспонатов и книжных фондов, выдавали, когда это несильно бросалось в глаза, оригиналы западноевропейских и русских живописцев за копии, что иногда спасало их от вывоза в Германию.

19 мая 1942 г. в ведение айнзацштаба перешел Керченский археологический музей, в котором тогда хранилось 5514 экспонатов [35]. Его директором оккупанты назначили А.А. Шевелева, заслужившего их доверие выдачей тайника в подвальном помещении музея, где были спрятаны 16 ящиков со стеклом и хрупкой античной керамикой [36]. Открывшаяся спустя два месяца музейная экспозиция не шла ни в какое сравнение с предвоенной. В доказательство этого можно привести выдержку из статьи, опубликованной в газете «Голос Крыма» от 2 мая 1943 г.: «...вот сейчас в апреле 1943 г.

музей Керчи стоит сиротинушкой... Одна только копия имеется в музее — это копия золотой маски боспорского царя Рескупорида . Но и эта копия не золотая, а бронзовая... Все, что выставлено в настоящее время в музее, настолько неполно и материально бедно, что, можно сказать с глубокой грустью, смотрит на своих собирателей античная эпоха с холмов Митридата...» [37]. Единственным приобретением Керченского музея стал мраморный саркофаг весом 5 тонн, перевезенный в июле 1943 г. из Тамани [38]. Стенки саркофага украшали рельефные фрагменты из розеток, по верхнему и нижнему краям проходили два тонких фриза. Крышка имела два фронтона с вырезанными внутри розетками и сверху акротериями в виде пальметок из стилизованных листьев аканфа. Этот единственный целый боспорский саркофаг IV в до н. э., найденный в 1916 г. в одном из курганов, хранился в Таманском музее. В 1941 г. во время военных действий музей был разрушен, но саркофаг уцелел. Транспортные средства для перевозки выделил комендант Керченского морского района. Саркофаг установили в гробнице Мелек-Чесменского кургана. Пополнение музейного фонда пытались осуществить через покупку у местного населения предметов, имевших историческую или художественную ценность, или путем обмена на продукты питания. При поддержке оккупационных властей небольшие ремонтные работы были произведены на подведомственных музею археологических памятниках: склепе Деметры, Царском кургане [39].

Вся деятельность Херсонесского музея в оккупационный период неразрывно связана с А.К. Тахтаем, являвшимся его хранителем, как по должности, так и по призванию. Оставшись в захваченном фашистами Севастополе, он несколько месяцев провел в лагере для военно-пленных. После освобождения из плена по распоряжению германского командования получил назначение на должность директора раскопок. За короткое время А.К. Тахтай восстановил музей, точнее все, что от него осталось после эвакуации ценных экспонатов и осадных бомбардировок. Главное внимание в музейной экспозиции было уделено разделу, знакомившему с жизнью средневекового Херсона, причем в него были включены редкой работы ажурный наперстный крест, фрагменты лаковой посуды, найденные при возобновленных А.К. Тахтаем археологических исследованиях на территории Херсонесского городища [40]. Он же составил дополнение к путеводителю по феодальному отделу музея. Ему удалось предотвратить вывоз из музея плиты с грифоном II в. до н. э. и мраморного аканфа IV в. до н.э., предназначавшихся в подарок покорителю Крыма фельдмаршалу Ф.Э. Манштейну [41].

В конце 1942 г. возобновил свою работу Евпаторийский музей, в котором насчитывалось 1238 экспонатов, снабженных пояснительными карточками на русском и немецком языках [42]. Наибольшей полнотой отличался раздел экспозиции, посвященный событиям Крымской войны 1854—1855 гг. В нем были представлены старинные гравюры, изображавшие высадку англо-французского десанта на побережье близ Евпатории, сражения под Инкерманом, у Балаклавы, на реке Альме, портреты защитников Севастополя, коллекция оружия того времени вплоть до мортирных пушек, модели военных судов [43]. В виде дара в музей поступило несколько картин от местных

художников Г.Х. Бояджиева и Оприца [44]. Ортскомендатура взяла на учет древние постройки Евпатории, в том числе остатки каменных ворот и стен крепости Гезлёв, архитектурные памятники XIX в., кенасу, где открылся караимский национальный музей [45]. Германская военная администрация, используя ошибки, допущенные советской властью в 1920-е —1930-е годы по отношению к верующим, с целью привлечения местного населения на свою сторону разрешила открывать храмы. Их открытию предшествовал ремонт культовых зданий. Восстановительные работы финансировали образовавшиеся различные национальные организации. Евпаторийский мусульманский комитет отремонтировал шедевр Ходжи Синана— мечеть Джума-Джами [46]. В ведении Бахчисарайского мусульманского комитета находился бывший Ханский дворец. По-видимому, не без помощи его директора И. Мустафаева были обнаружены и возвращены обратно в музей 25 ящиков с ценными экспонатами, замурованными накануне оккупации в одной из пещер Чуфут-Кале [47].

Благодаря заботе М.П. Чеховой сохранился в неприкосновенности в военные годы дом-музей русского писателя А.П. Чехова в Ялте [48]. От бомбардировок пострадал только сад. В «Бюлетене Ялтинского городского управления» от 18 января 1944 г. сообщалось: «В декабре 1943 г. дом-музей им. А.П. Чехова посетило 27 человек, в том числе 21 военный» [49].

В оккупированном Симферополе продолжал функционировать Центральный музей Крыма. Его директором являлся А.И. Полканов. Он вместе с главным хранителем А.С. Дойчем, препаратором И.А. Глобенко, музейным столяром Шлыковым оборудовал в музее 5 тайников, где были спрятаны ценные археологические предметы, экспонаты и архив революционного отдела, книги, пулемет «Максим», винтовки, холодное оружие из отдела партизанского движения, оформление советского отдела (статуи, бюсты, барельефы, плакаты) [50]. Там же хранились 2 ящика с картинами Русского музея, экспонировавшимися в Алупкинском дворце, 2 ящика с картинами К.Ф. Богаевского, 3 ящика с картинами и автопортретом И.К. Айвазовского, вывезенные немцами из квартиры вдовы художника, сундук с нумизматической коллекцией Феодосийского краеведческого музея. Они были изъяты А.И. Полкановым при помощи военнопленного шофера В. Иваницкого на складе художественных ценностей, подготовленных к вывозу в Германию [51]. 28 мая 1942 г. Симферопольская ортскомендатура опубликовала обращение, призывавшее местное население сдать в двухнедельный срок в Центральный музей исторические ценности, иконы, картины, принадлежавшие различным культурно-просветительным организациям [52]. Вместе с тем торговля антиквариатом отнюдь не запрещалась. Более того газета «Голос Крыма» от 13 сентября 1942 г. информировала: «В комиссионных магазинах Симферополя часто можно видеть ценные антикварные вещи, привлекающие особое внимание публики. Через магазины прошло уже много редких художественных картин русских и заграничных художников. Были в продаже майоликовые вазы, хрусталь, изящные изделия из бронзы, старинные шкатулки, вышивки искусных мастеров. Недавно в одном

из магазинов продавалась коллекция писем почти столетней давности... русского писателя А.Ф. Писемского... Сейчас на выставке одного из магазинов находится портрет художника Айвазовского. Сверху портрета имеется автограф художника...» [53]. По мере возможности между музеями поддерживались связи. Так, 10 мая 1943 г. в Центральном музее Крыма открылась выставка изделий татарского и караимского прикладного искусства [54]. Образцы старинной медной посуды, браслеты, серьги предоставил Бахчисарайский дворец-музей. Евпаторийский музей отправил на выставку редкие экземпляры татарской национальной вышивки золотом по тяжелому пурпурному бархату и кисее (чадры) [55].

Памятники истории и культуры Симферополя находились в ведении Симферопольского городского управления. В сентябре-ноябре 1942 г. проектная контора «Таврида» по заданию технико-эксплуатационного отдела управления обследовала объекты коммунального хозяйства [56]. В подготовленном ею отчете нашло отражение состояние 18 памятников, включая обелиск В.М. Долгорукову, загородные дома П.С. Палласа и М.С. Воронцова, мечеть Кебир-Джами, городище Неаполь Скифский, и содержались рекомендации по проведению необходимых ремонтных работ [57]. В августе 1943 г. на северной окраине Симферополя при сооружении учебного дота немецкие гренадеры натолкнулись на древнее захоронение [58]. О находке было сообщено Симферопольскому институту по изучению доисторической жизни Крыма. Раскопки проводились под наблюдением профессора Маттеса, датировавшего погребение III в. н. э. Могильная известняковая плита размером в 1,5 м с изображением сцен из военной жизни и охоты демонстрировалась в Центральном музее Крыма.

Нанеся сокрушительные удары по врагу под Сталинградом, на Курской дуге, Северном Кавказе, Красная Армия приблизила час освобождения Крыма. За два года и пять месяцев оккупации фашисты подвергли край разграблению. Колоссальные потери понесли культурно-просветительные учреждения Крыма. После проведения в конце декабря 1941 г. частями Красной Армии и Черноморского флота, Керченско-Феодосийской десантной операции оккупанты учинили полный разгром Старокрымского краеведческого музея [59]. Немецкий танк въехал в здание музея, проломив стену, опрокинул и подмял под себя витрины и шкафы с экспонатами. Затем, ворвавшись в помещение, солдаты начали жечь мебель и библиотеку. Разместив в здании татарской школы, примыкавшей к музею, канцелярию, немцы выложили дорожку от нее через двор на улицу обломками двух больших вдребезги разбитых пифосов. В дальнейшем в музее румыны устроили конюшню, в результате чего строение пришло в полную негодность, было разрушено и сравнено с землей, а на его месте оборудована площадка для бронемашин и баков с горючим. Дотла был сожжен Алуштинский краеведческий музей [60]. Полностью оказались разграбленными антирелигиозные музеи в Ялте, Керчи, Симферополе [61]. Помещение Центрального антирелигиозного музея немцы использовали под конюшню, а затем под гараж. Здание Симферопольской картинной галереи они превратили сначала в конюшню, а впоследствии разместили в

нем мыловаренное производство [62]. При отступлении из Симферополя оккупанты его подожгли, но подоспевшие красноармейцы успели потушить пожар. Немецкие авиабомбы и фугасы разрушили здание Сева-стопольской картинной галереи и Панорамы обороны Севастополя [63].

Разграбление музейных коллекций Крыма осуществлялось как отдельными мародерами, одетыми в немецкую и румынскую офицерскую форму, так и целенаправленно при участии квалифицированных специалистов, совмещавших ученые звания со всякого рода фюрерскими должностями в айнзацштабе. Повышенный интерес представители айнзацштаба проявляли к Алупкинскому музею. Они вывезли из дворца почти целиком передвижную выставку Русского музея и выставку Симферопольской картинной галереи. Из 183 экспонатов Русского музея были изъяты 152, в том числе произведения И.П. Аргунова, Д.Г. Левицкого, В.Л. Боровиковского, А.Г. Венецианова, В.А. Тропинина, И.И. Шишкина, И.И. Репина [64]. Из 42 полотен Симферопольской картинной галереи исчезло 40 и среди них работы В.А. Серова, В.Д. Polenova, А.И. Куинджи, К.А. Коровина, Б.М. Кустодиева, И.Е. Репина. Основная экспозиция Воронцовского дворца лишилась ценных картин Д. Доу, Л. Джордано, Ф. Фурины И.К. Айвазовского, акварелей А.П. Брюллова. Таким образом, в общей сложности оккупанты похитили 537 произведений живописи знаменитых западных и русских мастеров [65]. В отделе гравюр не достача составила 1817 листов. Сильно пострадал и фонд прикладного искусства. В 1942 г. завоеватели устроили в экс-позиционном зале — бывшей графской столовой — банкет по случаю годовщины покорения Крыма, на котором присутствовало более 70 офицеров. Во время банкета они пользовались сервизами и мебелью музейного значения. Группа пьяных офицеров устроила на Львиной террасе состязание в стрельбе, избрав мишенью фигурные детали мраморных фонтанов. По данным музея, из 740 предметов художественного фарфора и фаянса, имевшихся перед оккупацией, сохранилось 380, из 80 хрустальных изделий разграблено три четверти, из предметов художественного стекла уцелел 31 из 80, серебра расхищено 20 изделий из 23 [66].

Значительный ущерб оккупанты нанесли Керченскому музею. Старое музейное здание на горе Митридат было разрушено до основания, а находившиеся в нем боспорские надгробные стелы сброшены со склонов вниз [67]. В открытом склепе Деметры, использовавшемся во время военных действий под укрытие, от разрыва гранаты пострадала часть росписи [68]. Немецкие артиллерийские снаряды разбили 50 лапидарных памятников, размещенных в Царском кургане. В августе-сентябре 1943 г. немецкий профессор Маттес вывез из музея 45 ящиков с изделиями из дерева, стекла, металла, терракотой, чернолаковой и краснофигурной керамикой, монетами, отобранными для отправки в рейх [69]. В 1948 г. 36 ящиков с археологическими материалам вернулись из Германии обратно в музей [70].

В октябре 1943 г. представители айнцаштаба перевезли в Симферополь 23 ящика с экспонатами книгами по крымоведению, фототекой и архивом Феодосийского краеведческого музея [71]. Сначала они были помещены в Центральный музей Крыма, где сохранилось 4 ящика, в том числе один с нумизматическим материалом. Остальные 19 ящиков до конца декабря 1943 г. еще находились в подвале кинотеатра «Большевик», откуда затем были вывезены немцами. Дальнейшая судьба их неизвестна.

В описи экспонатов Бахчисарайского дворца-музея, расхищенных во время оккупации, перечислены 283 предмета, а именно: персидские ковры, гобелен с портретом персидского шаха, покрывала и полотенца, вышитые серебром, платки, золотые и серебряные браслеты, кольца, серьги, подвески, монеты, кинжалы, чадры [72]. Причем бахчисарайский ортскомендант Ган забрал не только лучший персидский ковер, но и бронзовую пушку с турецкой надписью и датой 1736 г. [73]. 1 ноября 1941 г., оккупировав Бахчисарай, немцы заняли под казарму помещение бывшей дворцовой соборной мечети, где размещался музей пещерных городов, и уничтожили его экспозицию, сорвав со стен щиты с нашитым иллюстративным материалом, планами, чертежами [74]. Уцелевшие экспонаты были сложены на нижнем этаже в устроенном фондохранилище, так как само здание использовалось мусульманским комитетом для отправления религиозного культа. Наиболее ценные музейные предметы: амфоры римского времени, найденные при изучении Бельбекского могильника и проведении земельных работ в Инкермане, блюда, тарелки, кувшины, престольная плита с крестом, золотые монеты византийских императоров Комнинов из раскопок Эски-Кермена, коллекции фотографий «пещерных городов» юго-западного Крыма, а также рукописи полевых исследований Н.И. Репникова на Эски-Кермене и в Инкермане, М.А. Тихановой, А.Д. Якобсона, Е.В. Веймарна на Мангупе, В.П. Бабенчикова в Шулдане и Челтере были отправлены в Германию [75].

Хотя фонды Херсонесского музея, хранившиеся на нижнем этаже взорванного немцами Владимирского собора, пострадали незначительно, тем не менее самому древнему городищу был нанесен существенный ущерб [76]. Площадь его с мощным культурным слоем была изрыта дотами и траншеями, в стенах зияло 80 проломов, предназначавшихся для устройства индивидуальных бомбоубежищ.

Невосполнимые утраты в военные годы понес Центральный краеведческий музей Крымской АССР [77]. В переходный период с 31 октября по 2 ноября 1941 г. часть музейных предметов, главным образом, одежда, обувь, галантерея, консервы, была расхищена местным населением, а затем немецкими солдатами. Потом наступил черед офицеров. Штурмфюрер СС профессор Карасек похитил несколько икон XVII в., филигранные изделия, 2 кавказских кинжала, 300 книг по экономике, этнографии и карты. Руководитель Крымского отделения айнцаштаба Шмидт увез с собою гарнитур

мебели красного дерева. Главнокомандующий германскими войсками в Крыму генерал Клейст позаимствовал гарнитур дубовой мебели. Зондерфюрер отдела пропаганды и по совместительству сотрудник Венского музея народонаселения доктор Манс изъяс несколько икон, ткани, одежду, серебряные филигранные изделия, медную посуду из этнографического отдела, 30 старинных татарских вышивок, предоставленных Бахчисарайским и Евпаторийским музеями, бытовые вещи из отдела социалистического строительства, включая женские бюстгалтеры, 6 книг по нумизматике. Прибывший в феврале 1944 г. в Керчь для эвакуации в Краков коллекций Бахчисарайского, Керченского, Феодосийского музеев профессор Штампус присвоил 137 предметов археологического отдела, 160 книг по археологии, 280 фотографий. Из наиболее ценных экспонатов всего было похищено 418 археологических предметов, 100 этнографических, 19 единиц художественной мебели, 1321 книга [78].

В ходе Крымской наступательной операции, длившейся с 8 апреля по 12 мая 1944 г., войска 4-го Украинского фронта при поддержке Черноморского флота полностью очистили полуостров от фашистских захватчиков. Буквально с первых дней освобождения проводились мероприятия по возобновлению в полном объеме деятельности крымских музеев, свернутой в оккупационные годы, причем в открывшихся экспозициях уже находили отражение события еще продолжавшейся Великой Отечественной войны. Совет Народных Комиссаров Крымской АССР (Крым СНК) распоряжением № 592 от 23 июня 1944 г. обязал городские и районные советы депутатов трудящихся произвести из числа вещей спецпереселенцев отбор картин, посуды, другого инвентаря, имевшего художественно-музейное значение, и до особых указаний хранить их под контролем [79]. Циркуляром от 2 октября 1944 г. с целью восстановления крымских музеев и пополнения их фондов Крым СНК предоставил наркомату просвещения Крымской АССР право при участии представителей финансовых органов произвести осмотр и отбор предметов музейно-художественного значения из имущества спецпереселенцев [80]. Такими предметами являлась продукция местного кустарного производства: чеканная посуда, керамика, изделия из дерева, художественная вышивка, ткани, ковры, орудия труда. Наркомату торговли Крымской АССР предлагалось передать их музеям безвозмездно как государственное имущество. За счет этих предметов дополнили свои фонды Алушкинский и Бахчисарайский дворцы-музеи, Ялтинский краеведческий музей [81]. 80 единиц предметов быта болгар, татар, армян, греков поступило в Старокрымский краеведческий музей, которому вместо уничтоженного фашистами помещения было передано здание мечети Узбека. В сентябре 1944 г. в нем насчитывалось до 1000 экспонатов (чеканная посуда, вышивки, кустарные изделия, коврики, военные трофеи и лапидарная коллекция).

Для оказания необходимой помощи в деле скорейшего восстановления музеев Крыма в июне 1944 г. при ученом совете НИИ музейной и краеведческой работы наркомата просвещения РСФСР была создана историко-археологическая комиссия под председательством профессора А.С. Башкирова [82]. В октябре 1944 г. наркомат

просвещения Крымской АССР выделил 5 тысяч рублей на первоочередной ремонт дома-музея А.С. Пушкина в Гурзуфе [83]. В ноябре 1944 г. из Уральска были возвращены эвакуированные экспонаты Ялтинского краеведческого музея [84]. 5 марта 1945 г. ученый совет Главного управления по охране памятников архитектуры Комитета по делам архитектуры при СНК СССР принял постановление о выделении на территории г. Керчи заповедной территории, включив в нее гору Митридат с остатками древнего города и склепам, Золотой, Мелек-Чесменский, Царский курганы, курган Юз-Оба, склеп Деметры, городище Мирмекий и церковь Иоанна Предтечи, позднее переданную Керченскому музею [85]. 2 мая 1945 г. в Феодосии открылась выставка картин эвакуированной галереи И.К. Айвазовского.

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны на долю крымских музеев выпали суровые испытания. Урон, причиненный историко-культурному наследию, мог быть еще более значительным, если бы не самоотверженность патриотов из числа музейных работников, которые эвакуировали и оберегали бесценные сокровища от посягательства оккупантов. Некоторые из них: А.И. Полканов, А. К. Тахтай, С.Г. Щеколдин были необоснованно обвинены в коллаборационизме и репрессированы. Невозможно в полной мере определить ущерб, нанесенный музейным собраниям Крыма от бомб, снарядов, рук мародеров. Никакими денежными эквивалентами нельзя восполнить утрату того или иного творения. Оно единственно в своем роде и неповторимо, как единственны и неповторимы талант, вдохновение и руки мастера, позволившие его создать.

Список использованной литературы

1. Боровкова В.Н. Из истории археологических коллекций Керченского музея (1941—1944г.) // Крымский музей. — 1995—1996 гг. Симферополь: Таврия — 1996. — С.154—162; Кончин Е.В. Тайна «золотого чемодана». — Симферополь: Таврия, 1989; Федотова Г.П., Грищенко Н.Ф. История коллекции. // Крымский музей. — 1995—1996 гг. — Симферополь: Таврия. — 1996. — С. 166—169; Филимонов С.Б. Судебно-следственное дело С.Г. Щеколдина как источник по истории Алушкинского дворца-музея в годы Великой Отечественной войны // Россия и Крым в судьбе Воронцовых. II Крымские Воронцовские чтения. Материалы. — Симферополь: Крымский Архив — 2000. — С. 100—116; Щеколдин С. Дворец и война // Наше наследие. — 1992. — № 25. — С. 98—106.
2. Известия. — 1991 — 9 апреля, 15 мая.
3. Государственный архив в Автономной Республике Крым (ГА АРК) — Р — 219. — Оп. 1. — Д. 1835. — Л. 52.
4. Известия. — 1946. — 10 февраля.
5. ГА АРК. — Р-3814, — Оп.1. — Д.199. — Л.1—5.
6. Там же. — Р—20. — Оп.11. — Д.8. — Л.42; Р-652. — Оп.24. — Д.5. — л.20.

7. Там же. — Р3814. — Оп.1. — Д.82. — Л.11.
8. ГА АРК. — Р-4165. — Оп.2. — Д.10. — Л.5.
9. Там же. — Р-3814. — Оп.1. — Д.82. — Л.12; д. 306. — Л. 3.
10. Там же. — Р-4165. — Оп.1. Д.1. — Л.18, 51; Р-4061. — Оп.2. — Д.2. — Л.1об.
11. Там же. — Р-20. — Оп.11. — Д.1. — Л.42об.; Д.6. — Л.21об.
12. Там же. — П-1. — Оп.1. — Д.2285. — Л.80 80об.
13. Там же. — Р-3814. — Оп.1. — Д.91. — Л.47.
14. Там же. — Д.552. — Л.27.
15. Там же. — Д. 199. — Л.2; Р-4133. — Оп.1. — Д.12. — Л.12.
16. Там же. — Р-20. — Оп.11. — Д.1. — Л.42об.
17. Филимонов С.Б. — Указ. соч. — 105.
18. Боровкова В.Н. Указ. соч. — С. 105.
19. ГА АРК. — Р-20. — Оп.11. — Д.1. — Л.42; Куковякин В. По следам «золотого чемодана» // Советский Крым. — 1989. — 8 января.
20. ГА АРК. — Р-2865. — Оп.2. — Д.16. — Л.1.
21. Там же. — Д. 18. — Л.6.; Р — 20 — Оп.11 — Д.6. — Л.29.
22. Голос Крыма. — 1942 — 2 октября, 30 октября, Щеколдин С. Указ. соч. — С.100.
23. ГА АРК. — Р — 20. — Оп.11. — Д.2. — Л.5.
24. Там же. — Р — 103О. — О.п. 6. — Д.5. — Л.131.
25. Голос Крыма. — 1942. — 6 марта.
26. ГА АРК. — Р — 3296. — Оп.1. — Д.14. — Л.3.
27. Там же. — Д.7. — Л.12.
28. Богуславский М.М. Международная охрана культурных ценностей. — М., 1969. — С.108.
29. Зинич М.С. Деятельность оперативного штаба А. Розенберга по вывозу культурных ценностей из СССР // Отечественная история. — 1999. — № 4. — С.162.
30. Голос Крыма. — 1942. — 28 мая.
31. ГА АРК. — Р — 2477. — Оп.1. — Д.7. — Л.5об.
32. Голос Крыма. — 1942. — 18 октября.
33. Филимонов С.Б. — Указ.соч. — 105..
34. Щеколдин С. Указ. соч. — С.98 — 104.
35. Боровкова В.Н. Указ.соч. — С.155—156.
36. Кончин Е.В. Указ. соч. — С.24.
37. Голос Крыма. — 1943. — 2 мая.
38. Там же. — 1943. — 15 августа.
39. Боровкова В.Н. Указ. соч. — С.157.
40. Голос Крыма. — 1943. — 11 февраля, 19 мая.
41. Берггольц О. Ленинград — Севастополь // Избранные произведения в двух томах. — Л., 1967. — Т. 2.—275.
42. Евпаторийские известия. — 1943. — 26 июня.
43. Голос Крыма. — 1943. — 17 сентября, 14 ноября.
44. Там же. — 1943. — 4 августа, 5 сентября.
45. Там же. — 1943. — 21 мая.
46. Там же. — 1943. — 13 августа, 18 августа, 31 октября, 10 ноября; Евпаторийские известия. — 1943. — 20 марта, 22 июня.
47. Голос Крыма. — 1943. — 21 мая.

48. Там же.
49. Бюллетень Ялтинского городского управления. — 1944. — 18 января.
50. ГА АРК. — Р — 3814. — Оп.1. — Д.552. — Л.54.
51. Там же. — Д.300. — Л.3.
52. Голос Крыма. — 1942. — 28 мая.
53. Там же. — 1942. — 13 сентября.
54. Там же. — 1943. — 19 мая, 26 мая.
55. Евпаторийские известия. — 1943. — 26 июня.
56. Голос Крыма. — 1943. — 28 января.
57. ГА АРК. — Р — 4729. — Оп.1. — Д.1. — Л.1,4об.; Д.13. — Л.1 — 3.
58. Голос Крыма. — 1943. — 6 августа.
59. ГА АРК. — Р — 20. — Оп.11. — Д.3. — Л.27.
60. Там же. — Р — 1269. — Оп.7. — Д.2. — Л.4.
61. Там же. — Р — 20. — Оп.11. — Д.2. — Л.5.
62. Там же. — Р — 4133. — Оп.1. — Д.12. — Л.12.
63. Там же. — Р — 1289. — Оп.1 — Д.39. — Л.17; Р — 3076. — Оп.1. — Д.50. — Л.78; Р — 3814. — Оп. — 1. — Д. — 172. — 69.
64. Там же. — Р — 3076. — Оп.1. — Д.50. — Л.127.
65. Там же.
66. Там же.
67. Там же. — П — 48. — Оп.1. — Д.104. — Л.5.
68. Там же. — П — 1. — Оп. — 1. — Д. — 2285. — Л.69.
69. Там же. — Р — 20. — Оп.11 — Д.6. — Л.11 — 12.
70. Быковская Н. В. Фондовые коллекции Керченского музея во второй половине XX века // 175 лет Керченскому музею древностей. Материалы международной конференции. — Керчь, 2001. — С.115.
71. ГА АРК. — Р — 20. — Оп.11 — Д.6. — Л.21об.; П — 1. — Оп. — 1. — Д.2285. — Л.83.
72. Там же. — Р — 1195. — Оп.4. — Д.8. — Л.116—129.
73. Там же. — Р — 20. — Оп.11. — Д.1. — Л.17.
74. Там же. — Д.3. — Л.1.
75. Там же. — Д.6. — Л.20 об.
76. Там же. — П — 1. — Оп.1. — Д.2285. — Л.82об.; Р — 1289. — Оп.1. — Д.39. — Л.19—20.
77. Там же. — Р — 2865. — Оп.2. — Д.18. — Л.1 — 1об.; Р — 3814. — Оп.1. — Д.301.
78. Там же. — Р — 20. — Оп.11. — Д.6. — Л.29об.
79. Там же. — Р — 652. — Оп. — 19. — Д.47. — Л.273.
80. Там же. — Р — 4281. — Оп.1. — Д.1. — Л.2; П. — 1. — Оп.1 — Д.2285. — Л.38.
81. Там же. — Р — 20. — Оп.11. — Д.1. — Л.121; Оп.19. — Д.113. — Л.13,16; Р — 3076. — Оп.1. — Д.51. — Л.33
82. Там же. — Р — 20. — Оп.11. — Д.1. — Л.62.
83. Там же. — Л.150.
84. Там же. — Л.163.
85. Там же. — Р — 2646. — Оп.3 — Д.1 — Л.37 — 38; Р — 3385. — Оп.2 — Д.1. — Л.1.